

Т.В. Шмелева*

ОФОГРАФИЯ: ТЕОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

"Возможна и необходима особая лингвистическая дисциплина, имеющая своим предметом орфографию как таковую", - утверждал Г.О. Винокур в не опубликованной при его жизни заметке, объясняя, что теория орфографии имеет такое же право на существование, как фонетика и другие канонические лингвистические дисциплины [Винокур, 1945. С. 463]. Спустя полвека ему вторит Н.Д. Голев, сообщая во вступительных замечаниях к своей книге, что пафос теории орфо-

* © Т.В. Шмелева, 2001.

графии - в "обосновании необходимости конкретно-исследовательских разработок в области русского правописания" [Голев, 1997. С. 7]. Действительно, ситуация выглядит парадоксальной: в глазах общества орфография представляет собой одну из самых актуальных языковых проблем, а лингвисты не ведут ее теоретических разработок.

Думается, что сегодня говорить об отсутствии орфографической теории в русском языкознании - значит впадать в серьезное заблуждение. Изучение истории орфографии убеждает в том, что русской филологической науке всегда было свойственна напряженная работа орфографической мысли [см. напр., Винокур, 1948; Григорьева, 1996].

Проведенная решительно и без дискуссий орфографическая реформа 1918 г. закрыла вопрос о природе русской орфографии и тем самым развитие ее теории. Значительный рывок в ее теоретическом осмыслении с учетом того, что произошло в лингвистической науке в первой половине XX столетия, в частности, формирования фонологии, произошел в 1960-е годы в ходе подготовки реформы, неосуществленность которой "законсервировала" состояние теоретических разработок во второй раз. Эту ситуацию изменили события 1990-х: принципиально изменились орфографическая практика и ситуация в науке, исчезли темы-табу, в том числе вопрос о реальных условиях разработки и осуществления реформы 1918 г., в школе появилась возможность обсуждать и культивировать системы обучения орфографии, отличные от канонической советской методики. В результате русская орфография переживает ситуацию, которую можно квалифицировать как теоретический взрыв, о чем уже приходилось писать [Шмелева 1999; Шмелева, 1999а; Шмелева, 2001]. Здесь же хотелось бы обратить внимание на другое: наряду с серьезным продвижением в теории орфографии выявился и такой феномен, который можно обозначить как орфографическая мифология.

Представляется важным различать орфографические факты, идеи и мифы. Под последними имеются в виду такие представления, которые распространяются, слабо соотносясь с реальностью, а иногда и просто противореча ей; с позиций более реалистических они оцениваются как заблуждения, предрассудки, иллюзии, абсолютизация каких-то в принципе верных суждений (ограниченной сферы действия). В работах по орфографии часто заходит речь о таких феноменах. Например, Н.Д. Голев на страницах указанной книги говорит о металингвистических "легендах" и догмах орфографоцентристской ментальности [Голев, 1997. С. 80-81]. Однако специальный разговор об орфографических мифах кажется небезынтересным в научном лин-

гвистическом ежегоднике. Тем более что есть возможность сопоставить положение дел в русской и польской филологической культуре.

Выявляя круг мифов, сложившихся вокруг орфографии, первым, безусловно, следует назвать миф, отождествляющий орфографию с языком в целом; кратко его можно было бы формулировать так: "орфография это и есть язык". Знакомые с историей вопроса могут сказать, что в его формирование большой вклад внесла школа, сведя преподавание языка к обучению орфографии, внушая тем самым многим поколениям русских людей ощущение тождества этих понятий. Н.Д. Голев называет это "орфографоцентризмом" обыденного метаязыкового сознания [Голев, 1997; Голев, 1999]. Этот миф остается несокрушимой твердыней обыденного сознания, хотя лингвисты постоянно предпринимают усилия, чтобы разъяснить характер отношений языка и письма. Так, В.В. Виноградов в 1964 году, рассуждая об этой проблеме, ссылается на А.А. Шахматова, который "в самом начале текущего столетия подчеркивал, что преобразование письма, реформа правописания, даже наиболее радикальная, не может посягнуть на живой язык" [Виноградов, 1964. С. 12].

Интересно, что в центр социального внимания этот миф внезапно вырвался летом 2000 года, когда в печати появились сообщения о подготовке новой редакции Свода правил. Реакция на это событие явно не соответствовала тому месту, которое орфография занимает среди проблем, волнующих население и журналистов: оно было воспринято как "попытка покушения" на орфографию, которая, как именно тогда выяснилось, так дорога всем, кто любит наш язык. Мало кого интересовало, что там реально предлагалось изменить. "Не трогайте хоть наш язык, и так всю жизнь испоганили", - раздавались возмущенные голоса. При таком понимании обсуждение орфографии, ее удобств и сложностей практически исключается: мифологическое сознание иррационально, оно не предполагает здравого размышления над явлением, объявляя его национальным достоянием или святыней. Вредность этого мифа очевидна: он мешает практическому, рациональному подходу к орфографии как средству оптимизации языкового общения.

На фоне этого мифа во времена перестройки сложился миф об орфографической реформе как одном из злодеяний большевиков. Он возник на почве переоценки всех ценностей, которые привнесла в жизнь русского общества советская власть, как антипод другого мифа, культивируемого официально, о том, что орфографическая реформа - это одно из завоеваний советской власти (фабрики - рабо-

чим, землю - крестьянам, новую хорошую орфографию всем!). Распространение этого мифа породило движение "контрреформаторов", вполне серьезно рассуждающих не только о необходимости публикации классиков в старой орфографии, но и о возвращении ее в современный культурный оборот. Если этот миф сколько-нибудь подорван (а хотелось бы в это верить), то благодаря деятельности лингвистов, в том числе Т.М. Григорьевой, которая в многочисленных устных выступлениях, научных и научно-популярных публикациях приводит данные, развеивающие этот миф [Григорьева, 1994; Григорьева, 1995; Григорьева, 1996; Григорьева, 1997].

Интересно отметить и такой миф, в котором проявляется европоцентризм нашего сознания. Имеется в виду представление о недостижимом совершенстве алфавитного письма, за которым стоит ужас европейца перед иероглифической письменностью Востока, прежде всего Китая. В справедливости этого мифа заставляет сомневаться не только древность восточной письменной культуры, которая говорит об огромном запасе ее прочности, но и данные, как это ни удивительно, медицины. В информации о съезде Американского общества поддержки науки, где обсуждались новые методы лечения дислексии, узнаем, что эта проблема стран с алфавитным письмом, в Японии такого заболевания практически нет [Zagorski, 2001].

Удивительно, что в социальном сознании наряду с рассмотренными существует миф, казалось бы, противоположного толка - убеждение в необыкновенной сложности своей орфографии на фоне простоты других (как всегда чужие проблемы кажутся менее "проблемными", чем свои). Так, русские люди полагают, что если у поляков нет проблемы безударных гласных (а ее действительно нет), то и орфографических проблем - никаких. А польское орфографическое сознание включает миф о простоте русской орфографии, и Ян Токарский приводит данные, которые должны разубедить польского читателя в этом. Он сообщает, в частности, что 70 % гласных в русском языке пишутся с опорой не на фонетический, а на морфологических принцип, а это не так просто. Не приводя никаких конкретных данных, он просит читателя поверить ему, что польская орфография не превышает средневропейского уровня трудности [Tokarski, 1978; см. также: Doroszewski, 1948. С. 302-303]. Понятно, что носители этого мифа чаще всего склоняются к идее упрощения орфографии и считают ее "неупрощение" злокозненностью ученых, которым только и надо, чтобы всем было труднее.

В мечтах и рассуждениях о простой орфографии, по-видимому, общим для наших культур является миф о благодатной перспективе "писать как слышим", или о необыкновенных преимуществах фонетического принципа письма, который, как полагают многие, освободил бы пишущих от всех проблем. Интересные размышления предлагает на этот счет Ян Токарский, показывая польскому читателю, что убеждение в существовании единого польского произношения - иллюзия, реально можно говорить по крайней мере о трех системах произношения - сценической, школьной и разговорной. На какую из них будем ориентироваться, если писать, как слышим? - этот вопрос он оставляет своим читателям для раздумий [Tokarski, 1978]. О том, что принятие фонетического принципа чревато хаосом и трудностями понимания, много пишут и польские [Doroszewski, 1948. С. 299], и русские лингвисты. Интересный анализ воззрений на фонетический принцип предъявляет Г.О. Винокур, показывая, что уже 250 лет назад были сформулированы вполне реалистические представления о возможностях и ограничениях действия фонетического принципа [Винокур, 1948]. Однако даже специалисты видят перспективы русской орфографии в реформировании на основе фонетического принципа [Осипов, 1998].

Таким образом, мифы об орфографии (с различной оценочностью) являются, как мы видим, обязательной частью обыденного сознания, они по-разному соотносятся с научными представлениями о ней.

Совершенно особое явление представляет собой официальная советская орфографическая мифология - составная часть советской идеологии. Как уже было сказано, она включала положение об орфографической реформе как одном из завоеваний советской власти, открывшем широким массам дорогу к культуре. О том, что реформа была подготовлена многолетними усилиями русских филологов, никогда не говорилось: миф не желает считаться с реальностью. Согласно этой мифологии, русская графика (как и все советское) одна из лучших: *"Внешний вид букв русского алфавита, особенно в их печатном виде, достаточно прост и отчетлив и благодаря этому нетруден для усвоения. Это обстоятельство послужило одной из основных причин перехода на русскую графику в свое время болгар и сербов, а после Великой Октябрьской Социалистической революции - громадного большинства тех народов СССР, которые ранее пользовались арабским, а затем - в течение некоторого времени - латинским алфавитом"* [Шапиро, 1951. С. 30]. Какая ложь скрывалась за

этим официальным мифом, выяснилось почти полвека спустя, когда "громадное большинство народов" (молдаване, узбеки, татары...), не считаясь ни с какими затратами, отказалось от использования русской графики.

Лучшей представлялась не только графика, но и орфография: *"Из орфографий, имеющих длительную историю, она является одной из самых легких для усвоения и наиболее рациональной, так как пишущие без труда находят основания, которые делают для них понятным, почему следует писать ту или иную букву. В этом отношении русская орфография резко отличается в лучшую сторону от таких орфографий, как французская или английская"* [Гвоздев, 1954. С. 11]. И там же: *"Наша орфография в основном прекрасно обслуживает разнообразные потребности письменного общения эпохи строительства коммунистического общества. Очень редко встречающиеся неточности письменного изложения легко устранимы при учете возможностей письменной речи"*.

Позже были сформулированы положения, которые кардинально расходились с этим, напр., в открывающей академический сборник статье, В.В. Виноградов писал: "В современной орфографической системе наблюдается масса противоречий, неоправданных исключений, трудно объяснимых правил" [Виноградов, 1964. С. 12]. Казалось бы, это должно было поколебать миф о самой лучшей орфографии, но этого не случилось.

Отголоски этих мифов раздавались в полемике вокруг новой редакции правил правописания летом 2000 года: "У нас прекрасная орфография! Зачем ее портить!" Это означает, что миф накрепко вошел в сознание некоторых граждан. Между тем его распространение не так безобидно, как может показаться на первый взгляд: если орфография прекрасна, а ты не можешь ею овладеть, то кто ты такой? В результате огромное количество русских людей выносят из школы во взрослую жизнь комплекс культурной неполноценности, ставящий барьер между ними и родным языком. Сегодня задним числом кажется даже, что этот результат был одним из планируемых в советской пропаганде, которая формировала политическую культуру послушания (см. об этом: Шмелева, 1988), не предполагавшую активного владения языком, в том числе и в его письменной форме. Орфографическая компетентность считалась привилегией особого класса людей - редакторов, корректоров, которые контролировали весь поток публикуемых текстов, отвечая головой за их грамотность во всех отношениях (вспомним выражение *политическая грамотность*).

Неосуществленная реформа 1960-х стимулировала значительное продвижение вперед теории орфографии и, вместе с тем, выявление обыденной орфографической мифологии, которая оказалась для нее непреодолимым препятствием, а также, как это ни странно, создание новой научной мифологии, хотя, казалось бы, научное сознание должно бы иметь иммунитет против мифов [ср. рассмотрение мифов в другой области филологических знаний - Ильин, 1998].

Среди таких новых - научных - мифов следует назвать представление о безусловном главенстве в нашей орфографии фонологического принципа. Его возникновение связано с тем, что работу над реформой 1960-х годов возглавили представители Московской фонологической школы, которым казалось, что утверждение ее принципов разрешит основные противоречия русской орфографии. Не являясь неправдой, данное представление все-таки не является абсолютно адекватным. Это стало особенно заметно, когда в школах начала культивироваться система развивающего обучения, которая держится на положении "выучить фонологию, значит, овладеть орфографией". Практика показала, что этот путь далек от идеала. О сложностях, возникающих при обучении орфографии в системе развивающего обучения, говорят учителя-практики, анализ таких сложностей с позиций психолога предлагается в статье Т.В. Окладниковой [Окладникова, 1997]. Высказывается критика преувеличения значимости фонологического принципа и с теоретических позиций [см. напр., Голев, 1997. С. 113], где сочувственно цитируется А.И.Моисеев.

Неудача реформы, разочарование лингвистов в возможностях своего вмешательства в языковую жизнь общества с принципами науки привели к тому, что возник миф о ненаучности орфографии, неприложимости к ней понятий структурного языкознания. Во всяком случае в "послереформенное" время к модным лингвистическим занятиям она не относилась. Этот лингвистический миф был опровергнут только в самом конце века - работами сибирских лингвистов, представивших серию серьезных публикаций, в которых орфография исследуется в разных аспектах - историческом (Б.И. Осипов, Т.М. Григорьева), структурном (Н.Д. Голев), дидактическом и психологическом (В.Я. Булохов, Л.Б. Парубченко). Особенно показательна в этом отношении уже упоминавшаяся книга Н.Д. Голева, пафос которой, как было сказано в самом начале, состоит в том, что орфография, как и все другие аспекты языка, должна быть исследована с помощью аппарата, выработанного в системном языкознании [подробнее см. в рецензии: Шмелева, 1998].

Если говорить о мифах дидактических, то первым из них надо назвать миф об орфографии как гаранте понимания текста. Он используется учителями и родителями для устрашения школьников: не будешь писать правильно, тебя никто не поймет. И кажется, что сами устрашители верят в это. Хотя реальное исследование, которое принял уже не раз упоминавшийся здесь В.Я. Булохов, опровергает такое представление [Булохов, 1998]. Действительно, ошибки мешают нам, но не понимать текст, а относиться к писавшему как к культурному человеку. Орфография в этом отношении - визитная карточка интеллигентного человека, и потому главная ее функция - демонстративная, она демонстрирует принадлежность человека к культурному сообществу, к слою грамотных. Стоит ли эта демонстративность таких трудов, которые приходится за нее платить - это вопрос, на который нет безусловного ответа.

Краеугольный камень орфографической дидактики - миф об исключительной словоцентричности орфографического сознания (хотя словоцентризм безусловно характеризует языковое и орфографическое сознание, но не исчерпывает его) [Ким, 1997]. На этом мифе построена школьная методика преподавания орфографии: измени слово, Сравни слово, наконец, просто запомни слово! Представление о грамотном человеке как таком, который знает много слов, в том числе и их орфографический облик, является повсеместным. Его мифичность раскрыл в своей докторской работе В.Я. Булохов, выявив путем статистического анализа огромного количества ученических текстов с орфографическими ошибками, что правильность написания слова зависит не только от знакомства с его орфографическим обликом, но и от серии других факторов, включающих механизмы запоминания и удержания в памяти определенных кусков информации, степени ее коммуникативной важности, места в границах высказывания [Булохов, 1993]. Это обстоятельство очень важно в плане развеивания мифа и потому, что находит объяснение в рамках лингвистической и психолингвистической теории, например, семантического и коммуникативного синтаксиса.

Другой дидактический миф - о всеилии правила, и в соответствии с ним орфография - это и есть правила. Над разоблачением данного мифа много работает Л.Б. Парубченко, в серии своих публикаций убеждая читателей в том, что правила не только не гарантия безошибочного письма, но даже иногда - причина ошибок (симптоматично в этом отношении название ее работы: Парубченко, 1998б; Парубченко, 1997; Парубченко, 2000). Точнее говоря, причиной ошибок

служит не правило само по себе, поверхностностью своей формулировки, которая не ведет пользующегося им к законам языка, а дезориентирует его, как показывает Л.Б. Парубченко на примере одного из самых активных правил русской орфографии - правописания безударных гласных или более редкого правила правописания приставки *недо-* и частицы *не* с глаголами, начинающимися с приставки *до*: *недопивать* - *не дописать* [Парубченко, 1997]. Правда, в настойчивых уверениях автора, что все проблемы орфографии лежат в "восстановлении естественных языковых связей", т.е. грамматики [Парубченко, 1997б. С. 58], тоже слышится опасность иного обольщения, иного мифа - об абсолютной грамматической оправданности всех орфографических решений, что, к сожалению, не совсем так. Еще В.В. Виноградов, отмечая непоследовательность орфографии, высказывал сомнения в том, что "можно пускать решение соответствующих вопросов на волю "грамматического сознания" пишущих, в том числе и обучающихся русскому языку и его орфографии" [Виноградов, 1964. С. 19].

В связи с этим важно обозначить и еще один дидактический миф, на который обращает внимание Н.Д. Голев, представляя его как тезис о просветительской функции орфографии, способствующей будто бы углубленному и уточненному пониманию языка [Голев, 1997. С. 86]. Используемый в педагогической практике как оправдание огромных затрат времени на орфографию, а в нормализаторских спорах как обоснование исторических написаний, он при здравом размышлении не выдерживает критики. Действительно, орфография должна запечатлевать тексты на письме и делать это оптимальным образом, удобным для пишущих и читающих. Если при этом она еще оказывается и средством культурной памяти языка или экспликацией его системных свойств - замечательно, но если мы стремимся к тому, чтобы эта факультативная задача выполнялась в разрез с основной, осложняя ситуацию пишущих, - это признак мифологического сознания. Надо сказать, что такое представление распространено и среди польских лингвистов, и тем более существенно, что трудности польской орфографии в основном связаны с действием исторического принципа. Очень характерный пример: один из самых известных в Польше лингвистов, которого знают буквально все, поскольку у него есть своя программа на телевидении, Ян Мёдек, обратив внимание на появившееся на телеэкране написание *technikóm* вместо *technikum* (в польском буквы *и* и *ó* обозначают один звук - *[u]*), расценивает это как нечто большее, чем орфографическую ошибку - как сигнал

утраты европейской гуманитарной культуры с ее греко-латинскими языковыми основаниями: написавший так не узнал в слове *техникум* латинское субстантивное окончание, как в словах *forum*, *plenum*, *liceum*, а связал его, видимо, с польскими словами типа *rekljmówka*. Отсутствие латыни в современном школьном образовании, по его мнению, не только ведет в такого рода ошибкам, но и удаляет поляков от образованности, заложенной в глубине классических языков [Miodek, 2000. С. 169-171]. Вывод, конечно, сильный, и основания для него понятны, но прагматический вопрос, стоит ли написание обычных слов использовать как показатель греко-латинской образованности, остается открытым.

Еще более нереалистичным, мифичным кажется возложение на орфографию многочисленных дифференцирующих задач, столь характерное для русской науки и дидактики, и, кстати сказать, отсутствующее в польском языковом и научном сознании. В польских теоретических работах по орфографии дифференцирующий принцип "не значится". У нас же он пользуется незаслуженным, как кажется, почтением: мы должны орфографически различать части речи (наращение/существительное, предлог/существительное, причастие/прилагательное), омонимы и омофоны (но не все, а только некоторые). Принцип этот критикуют с разных сторон: "А. Зализняк на заседании Орф. комиссии справедливо назвал издевательством над пишущим необходимость отличать прилагательное от причастия при написании одного или двух *н*" [Кузьмина, 1998. С. 189]. Обращая внимание на "обоснование коммуникативной необходимости дифференциаций", Н.Д. Голев ставит вопрос: "не слишком ли такие различия "тонки", чтобы быть необходимыми для повседневного общения, которое язык обслуживает в первую очередь, причем обслуживает в условиях автоматически производимой и воспринимаемой речи?" [Голев, 1997. С. 39]. Разбирая примеры таких практически не достижимых отличий, автор ссылается на подобные наблюдения других лингвистов, напр., Б. Букчиной, Л. Калакуцкой.

Число таких примеров можно пополнять, наверное, бесконечно. Один факт в завершение теоретических рассуждений (на него обратил мое внимание М. Маршалек). Решая практическую задачу, как написать *вглубь страны* или *в глубь страны*, мы находим в словаре [Русский, 1999] ряд примеров, из которых следует, что *вглубь норы*, но *в глубь океана/души/веков*. На каком основании *нора* отличается от *океана* (и зачем?!), как все-таки быть со *страной*? Я не знаю ответа на этот вопрос. Удивительно, что такая дифференциация дается в самом

последнем словаре, который, предполагалось, в частных случаях будет давать наиболее простые и понятные решения.

Итак, попытавшись проанализировать орфографическую мифологию, мы обнаружили в ней мифы обыденного, культурного, научного и дидактического сознания. Одно из свойств мифа - это живучесть. Но не бессмертие. Перед трезвыми научными суждениями, анализом ему не устоять. Но чтобы опровергнуть мифы, их надо не только знать в лицо, но и понимать их корни. Для освобождения от мифов, приближения к реалистичному, трезвому, адекватному представлению об орфографии многое сделали в последнее время лингвисты, мнения которых приводились по всем обсуждавшимся здесь вопросам. И этот текст хотелось бы считать одним из таких усилий.

ЛИТЕРАТУРА

Булохов В.Я. Повышение орфографической грамотности учащихся (в свете речевой деятельности). Красноярск, 1993. 184 с.

Булохов В.Я. Понимание содержания и орфографические ошибки // Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах. Новосибирск, 1998. С. 105-107.

Виноградов В.В. О необходимости усовершенствования нашего правописания // Вопросы русской орфографии. М., 1964. С. 5-22.

Винокур Г.О. Орфография как проблема истории языка (1945) // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 463-467.

Винокур Г.О. Орфографическая теория Тредьяковского (1948) // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 468-489.

Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. 4-е изд. М., 1954. 72 с.

Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997. 147 с.

Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999.

Григорьева Т.М. Реформа русской орфографии: циркуляры или декреты? // Collegium. Київ, 1994. №1. С. 53-61.

Григорьева Т.М. Реформа русской орфографии в Сибири // Язык и письмо. Волгоград, 1995. С. 61-73.

Григорьева Т.М. Русское письмо: от реформы графики к реформе орфографии. Красноярск. 1996. 160 с.

Григорьева Т.М. Размышления о реформе орфографии 1917 // Фонетика - орфоэпия - письмо в теории и практике. Вып. 1. Красноярск, 1997. С. 66-77.

Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.

Ким И.Е. Словоцентричность русского языкового сознания и ее проявление в работе корректора // Фонетика - орфоэпия - письмо в теории и практике. Вып. 1. Красноярск, 1997. С. 106-114.

Кузьмина С.М. Орфографическая комиссия 90-х годов и новая редакция свода правил русского правописания // Язык: изменчивость и постоянство: Сб. статей к 70-летию Л. Л. Касаткина. М., 1998. С. 185-192.

Маршалек Л. Судьбы русской и польской орфографии. Опыт сопоставления // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 2. Красноярск, 2000. С. 31-41.

Окладникова Т.В. Две стратегии грамотного письма // Фонетика - орфоэпия - письмо в теории и практике. Вып. 1. Красноярск, 1997. с. 97-103

Осипов Б.И. О перспективах современной русской орфографии // Фонетика-орфоэпия-письмо в теории и практике: Сб. науч. трудов. Вып. 2. Красноярск, 1998. С. 49-54.

Парубченко Л.Б. О научном отношении к методам обучения орфографии // Русская словесность. 1997. № 4. С. 58-62.

Парубченко Л.Б. Орфографические ошибки с точки зрения их генезиса // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998а. С. 220-223.

Парубченко Л.Б. Орфографическое правило как причина ошибок гиперкоррекции // Человек - коммуникация - текст. Вып. 2. Ч. 2. Барнаул. 1998б. С. 69-70.

Парубченко Л.Б. Научная теория и школьная практика // Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897-1997 гг. / Под ред. Е.В. Красильниковой. М., 2000. С. 292-301.

Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина. М., 1999.

Шапиро А.Б. Русское правописание. М., 1951.

Шмелева Т.В. Политическая культура // Университетская жизнь. 1988. 16 февр.

Шмелева Т.В. Ничто языковое не чуждо // ЯЛИК. 1998. № 30. С. 14.

Шмелева Т.В. Новое в русской орфографии // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка: Материалы научно-методической конференции, проходившей 6-7 мая 1999 г. в Варшаве. Вып. VI. Варшава, 1999. С. 315-321.

Шмелева Т.В. Лингвистичность русской орфографии и принципы ее преподавания в разных аудиториях // Zeszyty Naukowy Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne. Z.45. Filologia Rosyjska (19). Pod red. U. Wojcicka. Bydgoszcz, 1999a. S. 215-223.

Шмелева Т.В. Орфография с позиций филологии // Русский язык и его развитие во времени и пространстве: Сб. научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 488-96.

Doroszewski W. O ortografii (1948) // Doroszewski W. Wśród słów, wrażeń i myśli. Refleksje o języku polskim. Warszawa, 1966.

Miodek J. Jaka jesteś, polszczyzno? Wrocław, 2000.

Tokarski J. Traktat o ortografii polskiej. Warszawa, 1978.

Zagorski S. Wyczytanie w kropkach // Gazeta Wyborcza. 2001. 21 февр.